

КАЛИНИНГРАДСКАЯ ОБЛАСТЬ: К НОВОЙ МОДЕЛИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

© 2018 **Горохов Андрей Юрьевич**

доктор экономических наук, профессор

Московский государственный университет технологий и управления им. К.Г. Разумовского

(Первый казачий университет)

109004, Москва, ул. Земляной вал, 73

Описывается процесс обоснования необходимости разработки и реализации новой экономической модели экономического роста для Калининградской области

Ключевые слова: эксклавный статус региона, Евросоюз, особая экономическая зона, экстенсивная модель развития калининградской экономики «компенсационного типа», новая экономическая модель развития.

Калининградская область — единственная российская территория, находящаяся в шаге от развитых стран Европы и отрезанная от материнской России границами других государств [1, с.282]. Эксклавный статус региона одновременно является его проблемой и достоинством, учитывая близость 500-миллионного Евросоюза с его развитыми рынками, технологиями и инвестиционным капиталом. Вопрос в том, можно ли микшировать проблемы за счет потенциальных преимуществ, и, собственно, как это сделать.

Политические события последнего времени выдвигают на первый план проблемную сторону калининградской эксклавности. Регион находится в «угрожаемом» положении с точки зрения транспортной связности с материнской Россией. И дело не только в изменившейся риторике наших европейских партнеров — польские и литовские политики периодически озвучивают планы по строительству неких «стен» на границе с калининградским регионом. Предпринимаются вполне конкретные шаги по сворачиванию приграничного сотрудничества. Так, по решению польской стороны в прошлом году было прекращено безвизовое местное приграничное передвижение между Калининградской областью и Польшей.

Стремительно меняющиеся геополитические условия, в которых вынужден существовать эксклав, накладываются на исчерпание прежней модели экономического развития региона. К сожалению, вступившие в силу в 2018 году законодательные изменения, модернизирующие эту модель, могут оказаться недостаточными, чтобы переломить негативные тенденции. По нашему мнению, уникальность стоящих перед

эксклавом вызовов требует совершенно особых условий для калининградской экономики, самых передовых в России по льготам, преференциям и возможностям для экономики. Чтобы предотвратить стагнацию в условиях (пусть пока крайне символической) изоляции эксклава, нужна новая экономическая модель развития.

Три опоры калининградской экономики

В постсоветское время развитие калининградской экономики во многом зависело от доступа к сравнительно недорогому иностранному сырью и комплектующим. Их беспешинный ввоз обеспечивал конкурентоспособность местной промышленности, ориентированной на сбыт продукции в «большой России». Но в 2014 году эта модель подверглась серьезному испытанию — падение курса рубля привело к удорожанию европейского импорта (ситуация была аналогичной той, что сложилась в кризисном 1998-м). А в 2016 году, исполняя обязательства перед ВТО, Россия отменила ряд важнейших таможенных льгот на ввоз оборудования, сырья и комплектующих. Это резко снизило конкурентоспособность калининградских товаров на рынках Евразийского экономического союза и одновременно серьезно ограничило возможности для модернизации местных предприятий.

Впрочем, проблемы в калининградской экономике начались гораздо раньше. Причина была в устаревании Особой экономической зоны (ОЭЗ), модернизированной в 2006 году и предоставляющей резидентам льготы по налогу на прибыль, имущество и т.д. [2]. По ее образцу начали создавать локальные ОЭЗ в других регионах страны. Причем они обладали более широ-

ким набором льгот и преференций. Речь о таких важнейших для инвестора вещах, как режим предоставления льгот по налогам на прибыль, бесплатное подключение к инженерным сетям, льготы по транспортному налогу и др. Кстати, последних двух преференций для резидентов калининградской ОЭЗ Калининграда не предусмотрено вовсе.

Впоследствии в России были созданы Территории особого социально-экономического развития (ТОРы) с облегченными платежами в социальные фонды (мощный стимул для создания высококвалифицированных рабочих мест и развития «умной» экономики). Появилась беспрецедентная по объему налоговых и неналоговых льгот Свободная экономическая зона в Крыму.

Что касается Калининградской области, то с отменой в 2016 году большей части таможенных льгот она оказалась в стратегическом тупике. Положение не смогли исправить федеральные компенсации, введенные для калининградских производителей после выпадения таможенных льгот. Громоздкие процедуры получения компенсаций, большой объем согласований и т.п. — всё это крайне трудозатратно для бизнеса и скорее блокирует доступ на российский рынок продукции средних и малых предприятий, использующих импорт в своем производстве.

Можно констатировать, что воспроизводство экстенсивной модели развития калининградской экономики «компенсационного типа», каждый раз девальвирующейся вместе с нацвалютой, показало свою неэффективность. Последние изменения в законодательстве о Калининградской области, означающие новый этап модернизации Особой экономической зоны, призваны выправить ситуацию. Речь о таких новеллах, как снижение входного резидентского порога в ОЭЗ для предприятий из сферы медицины (до 10 млн. руб.) и интернет-сектора (до 1 млн. руб.), введение для резидентов сниженных отчислений в социальные фонды (7,6%), отсчет льготы по налогу на прибыль с момента получения первой прибыли, а не с момента регистрации в ОЭЗ и т.д.

Однако, на наш взгляд, эти изменения лишь выравнивают условия с уже существующими в стране особыми зонами и территориями. Налицо попытка учесть специализацию Калининградской области с точки зрения развития некоторых перспективных отраслей. Однако, учитывая стоящие перед эксклавом вызовы

и существующие риски для инвесторов, этого может оказаться недостаточно.

Показательно, что еще десятилетие назад в книге «Калининградская область: новые вызовы, новые шансы» под ред. Г.З. Бунатяна [3] делался вывод о необходимости разработки новой экономической модели, которая должна быть ориентирована на производство высокотехнологичных товаров и специализированных услуг. Причем наряду с импортозамещением, заявляли авторы исследования, критически важно развивать экспортоориентированную экономику, гораздо меньше зависящую от курса рубля и отношений России с приграничными государствами.

Сегодня необходимо задуматься об изменении экстенсивной экономической модели, которая каждый раз «девальвируется» вместе с национальной валютой. Импортозамещение, на котором базировалась экономика региона, не может служить ее единственной опорой. Необходимо дополнить его второй опорой — развитием несырьевого экспорта, который весьма перспективен, учитывая выгодное географическое положение эксклава. Речь может идти о производстве товаров и услуг с высокой добавленной стоимостью (it-кластер, аутсорсинг, инновации, медицинский туризм, финансовый кластер).

Наконец, третьей опорой региональной экономики может стать развитие внутреннего рынка. Сегодня калининградский бизнес фактически работает в дискриминационном режиме. Дело в том, что европейские производители имеют конкурентное преимущество перед местными компаниями (и общероссийскими в целом), так как режим свободной таможенной зоны избавляет их от необходимости платить импортный НДС при продаже товаров на территории Калининградской области. Обнуление внутреннего НДС для калининградских предприятий помогло бы выровнять конкурентные условия, стимулировав развитие местной экономики.

Западный Берлин как ближайший аналог Калининграда

Мировой опыт свидетельствует: успешное развитие эксклавов всегда предполагает реализацию отдельной экономической политики на данных территориях. Именно это помогало британскому Гибралтару, Гонконгу и Макао преодолеть системные ограничения, связанные с эксклавным положением [1, с.7].

Показателен опыт Западного Берлина. Этот германский анклав, существовавший в 1950–1990 годах, является ближайшим аналогом Калининграда по многим параметрам. Самые важные:

1. Сопоставимые масштабы экономики и внутреннего рынка. В Калининградской области проживает 1 миллион человек, в Западном Берлине — 2,3–2,5 миллиона. Очевидно, что, например, в британском эксклаве Гибралтар с его 30-тысячным населением внутренний рынок не способен стать одним из локомотивов роста, и это диктует своеобразие экономической модели развития.

2. Схожая, европейская ментальность.

3. Общность проблем, с которыми столкнулись берлинский анклав и калининградский эксклав. Изначально тот и другой оказались отрезанными от привычных рынков. Были разрушены производственные цепочки. Резко снизилась конкурентоспособность товаров из-за транзитных издержек.

4. Зависимость от геополитических факторов. Западный Берлин пережил блокаду и изоляцию, острый дефицит трудовых ресурсов. Политическая напряженность сказывалась на инвестиционном климате. Город находился на самом острие противостояния советского и западного блоков, на стыках периодически «искрило». Собственно, ситуация, в которой оказалась Калининградская область, начинает зримо напоминать западноберлинскую.

Западный Берлин называли «сейсмографом», мгновенно откликающимся на малейшие изменения у своих границ. Более того, экономические кризисы в ФРГ анклав переживал острее западногерманских регионов. Схожее свойство демонстрирует Калининградская область, страдающая от кризисов сильнее «материнской» России. Причем это устойчивая зависимость, идущая еще с 90-х годов прошлого века. Например, если в среднем по стране в 1991–1998 годах производство упало на 50%, то в Калининграде — на 70%. На дефолт 1998-го экономика региона отреагировала спадом на 9,5% (в 5 раз большим, чем в России в целом) и ростом цен, вдвое превышавшим общероссийский показатель.

Таким образом, по сумме факторов именно Западный Берлин оказывается ближе всего к калининградскому региону из всех образований анклавного типа. При этом анклав в условиях изоляции успешно решал задачи, которые се-

годня стоят перед Калининградской областью: недопущение стагнации и превращение в обузу для госбюджета, интеграция в экономику «материнского» государства, экспортная специализация экономики, развитие внутреннего рынка, привлечение трудовых ресурсов, создание достойных условий жизни для граждан и т.д.

Какие же идеи лежали в основе западноберлинской экономической политики?

Универсальный характер льгот и преференций

В 2016 году вышла в свет книга «Западный Берлин: стены не преграда. Опыт развития в условиях изоляции» [4]., в которой коллектив авторов попытался ответить на этот вопрос на основе анализа законодательства по развитию анклава. По итогам исследования можно выделить три ключевых принципа, на которых базировалась западноберлинская экономическая модель, и понять, удовлетворяет ли им тот экономический режим, в котором сегодня функционирует Калининградская область.

Принцип первый. *Льготы и преференции носили универсальный характер для субъектов экономики.* Получить их мог каждый, кто выполнил простые требования государства. Например, в случае со списаниями по НДС — сумел создать продукт или услугу с долей добавленной стоимости, равной или превышающей 10%.

Что касается Калининградской области, к сожалению, принцип универсальности льгот в регионе не применяется. Фактически они вводятся только для резидентов Особой экономической зоны. Максимум, на что решилось государство в новом пакете законодательных изменений — увеличить число резидентов за счет снижения инвестиционного порога по отдельным отраслям (it-сектор, медицина). Чуть ранее был снижен инвестпорог для обрабатывающей отрасли (до 50 млн. руб.).

Отметим, что в число «льготников» ОЭЗ не вошли предприятия важнейшего для Калининградской области транспортно-логистического комплекса (ТЛК). Для них резидентский порог составляет прежние 150 млн. руб. Таким образом, круг получателей льгот и преференций в калининградском регионе не только ограничен резидентами Особой экономической зоны, но и внутри ее существует своего рода «избирательная дискриминация» для компаний, представляющих стратегические отрасли региональ-

ной экономики.

Далее. Правительство Калининградской области предлагало включить в новый закон о регионе норму, согласно которой страховые взносы в соцфонды снижаются до 7,6% для всех субъектов региональной экономики. Это была своего рода попытка компромисса между принципами универсальности льгот и их локализации в рамках ОЭЗ. В регионе начала бы выстраиваться «двухскоростная» модель развития — максимум преференций для резидентов Особой экономической зоны и значимые стимулы для остальных предприятий, не вошедших в число резидентов. Однако это предложение было отвергнуто. В конечном итоге льготные выплаты в соцфонды предусмотрены, опять-таки, исключительно в рамках ОЭЗ.

Льготы в обмен на инвестиции

Возвращаясь к Западному Берлину. Универсальность льгот была необходимым условием для реализации другого базового принципа экономической модели. Этот принцип можно назвать «*Льготы в обмен на инвестиции*». Западноевропейское законодательство было настроено таким образом, чтобы обеспечивать постоянный приток частных инвестиций в экономику по самому широкому фронту. Для этого предусматривался целый арсенал инструментов: инвестиционные субсидии и дотации, длинные и дешевые инвесткредиты, амортизационные списания, льготы по налогам дивиденды в случае новых инвестиций и т.д.

Западноевропейская экономика одновременно удерживала в себе две, казалось бы, противоположные черты — мобилизационность и ультралиберальность. На самом деле противоречий нет, учитывая, что мобилизация частных финансовых и трудовых ресурсов достигалась за счет рыночных стимулов. Стояла задача запустить конвейер инвестиций, сделав этот процесс постоянным и необратимым. И эта задача была решена.

Для сравнения — в калининградской Особой экономической зоне достаточно однократного вложения, чтобы стать резидентом и много лет пользоваться всеми положенными льготами. Не существует механизмов продления льгот в случае новых инвестиций. А значит, нет и особых стимулов их делать (как вариант решения проблемы сегодня выдвигаются предложения заключать региональные специнвестконтракты

с предприятиями-резидентами, которые собираются осуществить новые инвествложения).

Обратим внимание на налог на дивиденды — важный инструмент западноберлинской экономической политики, позволявший привлекать в анклав инвестиционный капитал. Льготы по этому налогу составляли 22,5%, вместе с другими инвестиционными стимулами они способствовали накоплению у бизнеса собственных средств для реинвестирования в производство.

Льготное налогообложение дивидендов сегодня является общемировой практикой, особенно распространенной в странах догоняющей модернизации. Нулевая ставка налога для налоговых резидентов установлена в таких странах, как Малайзия, Сингапур, Гонконг, Южная Корея, Китай. Если рассматривать страны, находящиеся в ареале Калининградской области, налог на дивиденды «обнулен» в Швеции, Литве, Эстонии и Латвии. Для сравнения — Россия со ставкой 13% — на 107 месте в мире по этому показателю, что негативным образом сказывается на инвестиционной привлекательности страны (приведены данные Всемирного банка, ноябрь 2017 г.).

В Калининградской области как регионе, исторически претендующем на статус пилотного, может быть осуществлен эксперимент по снижению ставки налога на дивиденды. При дополнительном обременении для получателей льготы, заключающемся в обязательстве инвестировать средства в производство.

С принятием федеральных поправок в законодательство о Калининградской области с новой остротой встал вопрос о региональных стимулах экономического роста. Привлечение и мобилизация частного капитала — как калининградского, так и внешнего — становится одной из ключевых задач в условиях дефицита бюджетных средств и обострения конкуренции за инвестиции. Льготирование по «нефедеральному» налогу на дивиденды, который целиком уплачивается в региональный и муниципальные бюджеты, может оказаться одним из самых оптимальных инструментов для региона. Речь идет о т.н. «льготах по налогам на доходы будущих периодов», которые осуществляются при минимальном напряжении бюджета и с максимальной бюджетной эффективностью. Ответственность за создание (развитие, модернизацию) производства бизнес берет на себя, без участия государства. Льготные списания начнутся лишь тогда, когда продукция успешно

выведена на рынок и начала приносить прибыль. Таким образом: а) государство поддерживает исключительно дееспособный бизнес, не отвлекая средства на нерентабельные проекты; б) господдержка носит «отложенный характер» и компенсируется за счет роста общей налоговой базы.

Возмещение части налога на дивиденды по примеру Западного Берлина способно стимулировать рост в тех секторах, которые наиболее перспективны с точки зрения развития экономики Калининградской области. Например, it-технологии, медицина, пищевая переработка, сельское хозяйство, обрабатывающее производство и т.д. Представляется, что наибольший эффект будет достигнут среди резидентов Особой экономической зоны (учитывая «специализацию» нашей ОЭЗ на этих отраслях). Льготы по налогу на прибыль, дополненные льготным режимом в части уплаты налога на дивиденды, способны дать синергетический эффект, запустив непрерывные циклы реинвестиций в данных секторах.

Как реализацию принципа «Льготы в обмен на инвестиции» в проекции на рынок труда можно рассматривать социальную политику западноберлинского анклава: доплаты к зарплатам для жителей города, социальные выплаты, помощь по переезду трудовых мигрантов (в том числе высококлассных специалистов) в Западный Берлин и т.д. И снова констатируем, что в Калининградской области такой социальной политики в системном воплощении не существует.

Между тем, поддержка рынка труда играла важнейшую роль для западноберлинской экономики, позволяя, во-первых, удерживать трудовое население в городе, а во-вторых, привлекать квалифицированных специалистов из ФРГ. Подобная задача в перспективе возникнет и перед Калининградской областью. Населения численностью в 950 тысяч человек недостаточно, чтобы внутренний рынок мог обеспечить полноценное экономическое развитие полуэксклава. Потребуются привлекать переселенцев из других регионов России.

Льготы по НДС: инструмент «на все случаи жизни»

Наконец, третий важный принцип экономической политики Западного Берлина. Там не боялись экспериментировать с бюджетообразу-

ющими налогами. Речь идет о налоге с оборота/НДС. В структуре расходов бюджета ФРГ на поддержку анклава эта льгота для производителей и покупателей западноберлинской продукции, обеспечивающая налоговые списания, занимала второе место.

Что касается наших реалий, российское правительство отвергло предложение Калининградской области обнулить НДС внутри региона (об этом мы писали выше). Консервируется ситуация, которая препятствует развитию внутреннего рынка, дискриминирует калининградских и в целом отечественных производителей. Это зеркальная картина с тем режимом максимального благоприятствования, который имел западноберлинский бизнес.

Отметим, что право на льготные списания по НДС в анклав имели не только местные производители услуг и товаров, но и их западногерманские филиалы (т.н. «преференции внутреннего оборота»), а также подрядчики западноберлинских фирм внутри города. Такая политика решала сразу две задачи, которые актуальны и для калининградского эксклава. Во-первых, местная экономика надежно встраивалась во внутривосточные технологические цепочки, не допускалась автономизация анклава от экономики материнского государства (опасность, грозящая всем образованиям анклавного типа). Во-вторых, льготы в отношении подрядчиков помогали распространить систему преференций на максимально большое число субъектов региональной экономики. Это тоже важно для Калининградской области — миллионный внутренний рынок эксклава достаточно велик, чтобы сделать его одним из локомотивов экономического роста. Однако, как видим, на практике происходит сдерживание развития калининградского малого и среднего бизнеса.

Еще одной функцией льготных ставок по НДС в части льготирования внутреннего оборота была поддержка экспорта товаров из Западного Берлина. Показательна статистика — если в анклав 80% продукции реализовывалось в ФРГ и других странах, то в Калининградской области пропорция обратна: 80% товаров остается в эксклаве и лишь 20% реализуется в «большой России», странах ЕвразЭС и др. В законодательстве о Калининградской области специальных мер по поддержке калининградского экспорта не предусматривается. При том, что высокотехнологичный экспорт товаров и услуг, минимизирующий

долю транзита в себестоимости, объективно должен стать одной из трех опор экономики региона наряду с импортозамещающим направлением и развитием внутреннего рынка.

Транзитные режимы в Западном Берлине и Калининграде

Нельзя не коснуться ключевой проблемы для анклавных образований — транзитного разрыва с основной территорией страны. Обеспечение эффективной транспортной связности анклавов с «материнской» территорией — предмет специальной политики самых разных государств.

Винокуров Е. Ю. в книге «Теория анклавов» [1, с.282] сравнивает калининградскую ситуацию с той, что сложилась в Западном Берлине и Восточной Пруссии времен т.н. «польского коридора» (20–30-е годы XX века). По мнению исследователя, с точки зрения эффективности транзита, по критериям простоты пограничных и таможенных процедур, Калининградская область находится на последнем месте.

На первое место Винокуров ставит Западный Берлин. Несмотря на изоляцию, строительство «берлинской стены» и холодную войну, удалось выстроить такую систему грузового и пассажирского сообщения между анклавом и ФРГ, которая может служить образцом для калининградского эксклава. Это произошло после заключения рамочного Транзитного соглашения с ГДР в 1971 году. В частности оно подразумевало оплату транзитных издержек государством, а не частными лицами; пломбирование транспорта перед въездом в транзитный коридор и прохождение маршрута без проверок со стороны ГДР.

В отношении калининградского эксклава Е. Ю. Винокуров делает следующие выводы: «Решение по Калининграду включает только правила пассажирского транзита. Не было принято никаких особых юридических соглашений по жизненно важному вопросу передвижения товаров через территорию Литвы».

По оценке экспертов–представителей логистических компаний калининградского региона, за десять лет издержки по транзиту сырья и товаров между эксклавом и основной территорией России увеличились более чем на 40% (в рублевом эквиваленте). Стоимость дизтоплива выросла в 2 раза. Чтобы доставить груз из Калининграда в Москву, потребуется в среднем в 2 раза больше времени, чем тратят логистические компании из других регионов страны при срав-

нимом расстоянии. Причем это будет стоить на 30–40% дороже. Потребуется индентификация и сертификация товара, задержка груза на складе временного хранения, простаивание в очередях на многостороннем автомобильном пункте пропуска (на МАППе). Транзитные потоки через Калининград еще сложнее, дольше и дороже.

Представляется, что России необходимо стремиться к заключению рамочных договоренностей со странами Евросоюза, подобных Транзитному соглашению 1971 года. Однако задача первого плана — оптимизация внутренних ресурсов. Парадоксальным образом в отношении транспортно-логистического комплекса эксклава не существует внятно сформулированной преференциальной политики государства. Как мы уже говорили, калининградские логистические компании не были включены в список компаний, для которых снижен резидентский порог в Особой экономической зоне. Далее, в отличие от железнодорожных грузовых перевозок затраты на перевозки автотранспортом не подпадают под государственные компенсации. При том, что более 70% калининградского грузового транзита осуществляется по автомобильным дорогам. Лишь в последний момент удается заблокировать различные инициативы федерального центра, которые не учитывают специфику калининградского региона и наносят вред его транспортно-логистическому комплексу (ТЛК). Например, было отложено введение заградительных ставок утилизационного сбора на поддержанную технику (полуприцепы) для международных перевозчиков, однако ничто не препятствует вступлению в силу соответствующего правилительственного постановления в любой момент. Список примеров можно продолжать.

Отсутствие единой, четко артикулированной государственной политики приводит к тому, что ситуация с калининградским транзитом остается проблемной в плане конкурентоспособности с другими регионами страны, а также с конкурирующими транзитными маршрутами, например, «Литовский порт Клайпеда — граница Таможенного союза».

При этом теоретически Калининградская область обладает высоким транзитным потенциалом, способным сделать его крупным транспортно-логистическим хабом на маршруте «Юго-Восточная Азия — Россия — Евросоюз». В отличие от Западного Берлина, «запертого» внутри территории ГДР, калининградский

экслав, обладающий выходом к морю, имеет возможность вырваться из географической изоляции. Для этого, в частности, необходимо создавать свободный порт Калининград по модели свободного порта Владивостока, где без таможенного оформления и уплаты таможенных пошлин могла бы храниться иностранная продукция — до ее реализации на территории Евросоюза. Однако, к сожалению, в новый закон о Калининградской области предложение региона по созданию свободного порта Калининград не вошло.

Основные выводы

История анклава Западного Берлина показывает: даже в самых жестких условиях изоляции можно обеспечить рост экономики и процветание граждан. Для этого требуется мобилизационная модель развития, но претворить ее в жизнь можно, основываясь на рыночных принципах, без огосударствления народного хозяйства и экономии на людях. Западный Берлин стал витриной западного мира, и во многом демонстрационный эффект процветающего анклава сыграл свою роль в исходе холодной войны.

Максимальное привлечение частных ресурсов к работе на общее благо, создание государством налоговых и других условий для запуска «конвейера инвестиций» с его самовозобновляющимися циклами реинвестиций, тотальность и всеохватность экономической политики, стимулирующей рост — вот основные черты западноберлинской экономической модели.

Она базировалась на принципах универсальности правил для всех агентов экономики, широком инструментарии инвестиционных инструментов господдержки бизнеса, решимости идти на эксперименты с бюджетобразующими налогами. Наконец, на мощной социальной политике, гарантирующей сотрудникам западноберлинских предприятий достойную оплату труда и уровень жизни в обмен на готовность к производительному труду и проживанию в анклав, находящемся в недружественном окружении.

В Западном Берлине последовательно решали задачи развития внутреннего рынка, ориентации на рынок Западной Германии при одновременной экспортной специализации экономики. Эти три задачи актуальны для Калининградской области, которой также предстоит выстраивать свою версию мобилизационной экономической модели.

Приходится констатировать, что на данный момент такая модель не сложилась. Наш анализ показал, что ни по одному из выделенных критериев режим, в котором функционирует калининградская экономика, не соответствует западноберлинскому. Новейшие законодательные изменения лишь возобновляют прежнюю «импортозамещающую» модель региона, критически зависящую от колебания курса рубля относительно мировых валют. Модернизированная Особая экономическая зона по своим возможностям оказывается сопоставима с другими российскими территориями со льготным режимом. Однако с учетом издержек на транзит и общих рисков, связанных с политической напряженностью, бизнес все равно будет предпочитать инвестировать на «материке». Преференции, которые сегодня предлагает Калининград, недостаточны, чтобы перекрыть вероятные издержки.

Калининградской области нужна самая передовая экономическая модель в России. Разработка этой модели — дело ближайшего будущего, и здесь можно ориентироваться на опыт Западного Берлина, являющегося ближайшим аналогом Калининграда.

В свое время экслав с успехом играл роль «пилотной площадки» для апробации новых экономических практик. Достаточно вспомнить создание первой в стране свободной таможенной зоны и первой ОЭЗ. Экславность Калининградской области, ее изолированность от других регионов из недостатка превращается в преимущество, потому что позволяет проводить эксперименты малых масштабов почти в лабораторных условиях. И затем тиражировать успешный опыт в другие регионы страны.

Библиографический список

1. Винокуров Е. Ю. Теория анклавов. Калининград. 2007.
2. Иванова В. Н., Горохов А. Ю., Горохов Д. А., Игнатьев А. Ю., Тучинский А. Л. Особая экономическая зона в Калининградской области: конкурентоспособность экономического режима и пути развития эксклавного региона России / «Экономические науки» 2015, № 6.

3. Калининградская область: новые вызовы, новые шансы. Механизмы развития уникального региона / под общ. ред. Г.З. Бунатяна. — М.: ИМЭПИ РАН, 2005. — 492 с.: ил.
4. Горохов А.Ю., Горохов Е.А., Айкельпаш А. Западный Берлин: стены не преграда. Опыт развития в условиях изоляции. Москва, 2016. С. 3.

Поступила в редакцию 28.04.2018 г